# ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

## ВОСПОМИНАНІЯ

### О

### ПАВЛѢ АЛЕКСѢЕВИЧѢ ТУЧКОВѢ.

Надъ свѣжею могилой недавняго гостя земли сердце сжимается неодолимой тоской, умъ цѣпенѣетъ предъ всемогущей волей Дающаго и Отъемлющаго жизнь.

Постараюсь собрать мысли, смущенныя внезапностью кончины всѣми любимаго Павла Алексѣевича.

Не стану много распространяться о мірской службѣ генералъ-адъютанта, Московскаго военнаго генералъ-губернатора, генерала отъ инфантеріи, члена государственнаго совѣта, кавалера разныхъ орденовъ; о его походахъ, битвахъ и о всей его разнообразной служебной и общественной дѣятельности. Онъ уже—не нашъ. Стану говорить предпочтительно о человѣкѣ Божіемъ, о душѣ, отлетѣвшей изъ временнаго міра въ вѣчность, о жизни сердца, прерванной у гроба и воскрешенной за гробомъ.

Древній родъ Тучковыхъ извѣстенъ въ лѣтописяхъ нашихъ полезною и безкорыстною службою отечеству. Павелъ Алексѣевичъ показывалъ мнѣ свою родословную, съ любовію къ предкамъ достойнаго ихъ и дорожащаго честнымъ именемъ потомка. Мнѣ хотѣлось напечатать ее, съ поясненіями изъ его разсказовъ и по его указаніямъ.

„Если бы я — отвѣтилъ онъ на мое предложеніе — былъ не на виду по моей теперь службѣ, жилъ не замѣтный, позабытый въ своей бѣдной деревенькѣ— иное дѣло. А теперь это было бы нескромно.

— Чтожъ тутъ нескромнаго, говорить о дѣдахъ о прадѣдахъ?

„Но это будетъ значить, говорить вмѣстѣ и о себѣ.

— Да вѣдь не вы, а другіе собрали нѣкоторыя о васъ свѣдѣнія.

„Такъ... да я не люблю самохвальства.“

— Диковинный вы, право, скромникъ! Напечатать родословную—хвастовство! Не утаивать же прародительскихъ заслугъ отечеству. Не снять же съ родословнаго дерева имя хоть бы Ирины Ивановны Тучковой, чтобъ не сказали, что вы гордитесь своимъ родствомъ съ бояриномъ Юріемъ Захарьевичемъ, который женился на ней. Исторія не таитъ, что отъ Юрія и Ирины родился Романъ—отецъ благочестивой Анастасіи, жены Іоанна IV—и, до ея кончины, не „Грознаго;“ что родной братъ Анастасіи, Никита—родитель Патріаха Филарета.

„Пусть, послѣ меня, дѣти мои, какъ еще не важные люди на бѣломъ свѣтѣ, напечатаютъ, что́ найдется въ семейныйхъ бумагахъ любопытнаго, и, разумѣется, не изъ хвастовства, а ради исторіи. Историческіе матеріалы конечно не надобно держать подъ спудомъ.“

— Будутъ же тогда говорить о васъ?

„Будутъ, да меня не будетъ.....“

Вотъ черта его смиренія.

Изъ смиренія истекли и основныя свойства его души—скромность и застѣнчивость. Долго прикрывали онѣ отъ людей другія качества его ума и сердца: обдуманность и осторожность во всѣхъ случаяхъ жизни, обществен-

ной и семейной; простоту вѣры и совершенную покорность судьбамъ Божіимъ; любовь къ ближнему и неизмѣнную вѣрность дружбѣ.

Какъ искренно, какъ любовно, бывало, спѣшитъ онъ на встрѣчу каждому изъ своихъ давнихъ товарищей по воспитанію, или по службѣ! Какъ радушно предлагаетъ имъ хлѣбъ-соль по обычаю предковъ! Легко было съ нимъ дружить и служить. Всегда онъ былъ готовъ на добро. Никогда никого не оскорбилъ онъ укорительнымъ взглядомъ, не только жесткимъ словомъ, или спѣсивою вѣжливостію. И любили вездѣ, куда приводила служба, вначалѣ—образованнаго юношу, послѣ—испытаннаго и любознательнаго воина, наконецъ—сановника, облеченнаго довѣріемъ Царя.

Спокойный, невозмутимый и съ тѣмъ вмѣстѣ твердый въ строго изслѣдованныхъ и принятыхъ умомъ и совѣстью убѣжденіяхъ, онъ говорилъ и дѣлалъ все по совѣсти. Онъ говорилъ правду Царямъ — и достойно носилъ орденъ „за доблесть гражданскую“ св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 1 ст. — и Цари любили его. Вотъ строки участія Государя Императора и Государыни Императрицы ко вдовѣ усопшаго:

„ Съ крайнимъ прискорбіемъ узнали Мы сейчасъ о „постигшемъ Васъ несчастіи и спѣшимъ раздѣлить съ „Вами Ваше горе. Сердечное уваженіе Наше къ Вашему „мужу Вамъ извѣстно. Да подкрѣпитъ Васъ Богъ къ „перенесенію этого горькаго испытанія. “

Александръ.

Марія.

Заплакала вдова, прослушавъ эти строки, заплакали съ нею дочь и трое сыновей...

Воспитаніе готовило Павла Алексѣевича къ военной

и гражданской службѣ. Образованіемъ общимъ онъ обязанъ московскому университетскому благородному пансіону; образованіемъ военно-математическимъ — школѣ колонновожатыхъ, возникшей изъ домашняго училища Н. Н. Муравьева, которое устроилось изъ частнаго „общества математиковъ.“ Члены-основатели его всѣ изъ московскихъ кандидатовъ и студентовъ (а).

Между тѣмъ воспитанникъ Антонскаго и Муравьева былъ и пажемъ. Заслуги его отца и двухъ дядей—героевъ бородинской битвы были поводомъ къ зачисленію Павла Алексѣевича въ пажескій корпусъ. Пажемъ названъ онъ и при опредѣленіи его на службу прапорщикомъ въ свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, въ концѣ 1817 (26 ноября). Онъ родился 7 апрѣля 1803 года въ Петербургѣ, откуда привезли его шести-семи недѣль въ Москву. Стало быть ему тогда было, считая изо дня въ день, 14 лѣтъ 7 мѣсяцевъ и 19 дней. Въ послужномъ спискѣ поставленъ 1802 годъ потому, что моложе 15 лѣтъ не позволялось производить въ первый чинъ вступающихъ на службу.

Повышаемый въ чинахъ и должностяхъ, въ 1836 году онъ былъ уже генералъ-маіоромъ и числился по генеральному штабу, изъ котораго (кромѣ трехъ лѣтъ, проведенныхъ внѣ военной службы) никогда не былъ отчисляемъ съ 1820 года до кончины.

Въ 1840 г. (25 декабря), онъ по болѣзни вышелъ

---

(а) Въ запискахъ своихъ, сказавъ, что учился въ У. Б. пансіонѣ — годъ, и годъ у Муравьева, Павелъ Алексѣевичъ прибавляетъ, что „успѣхи въ наукахъ дали ему право на званіе студента.“

въ отставку. По выздоровленіи, вступилъ въ министерство государственныхъ имуществъ, но не надолго. Императоръ, гуляючи по Невской набережной, встрѣтилъ своего прежняго флигель-адъютанта (съ 1834) и пріостановился: „Тучковъ въ этой одеждѣ! “ замѣтилъ Государь. Павелъ Алексѣевичь снялъ съ головы круглую шляпу.

„ Совсѣмъ выздоровѣлъ? “

— Слава Богу !

„ Ну, здоровъ, такъ опять на службу. “

— Я служу, Государь, членомъ министерства...

„ Надо тебѣ надѣть военный мундиръ. “

Павелъ Алексѣевичъ поклонился.

„ Ступай въ службу. “

— Куда прикажете.

„ Согласенъ? радъ? “

— Всегда готовъ исполнить волю Вашего Величества.

„ Прощай! “

На другой день военный министръ приглашаетъ „дѣйствительнаго статскаго совѣтника“ къ себѣ.

„ Поздравляю! сказалъ Чернышевъ. Государь больше не сердится на васъ за отставку. “

— Я вчера встрѣтился съ Его Величествомъ.

„ Ему угодно, чтобъ вы возвратились къ намъ, въ генеральный штабъ. “

— Куда прикажетъ.

„ Такъ подайте прошеніе. “

— Какое ?

„ Объ опредѣленіи васъ вновь въ военную службу съ прежнимъ чиномъ. “

— На это изъявлена вашему сіятельству высочайшая воля.

13 декабря 1843 г. Павелъ Алексѣевичь возвратился на военное поприще, котораго уже и не покидалъ до своей кончины. Любя занятія, онъ много писалъ, хорошо рисовалъ и прекрасно чертилъ. Мнѣ удалось видѣть нѣкоторые изъ его чертежей, художественной, можно сказать, отдѣлки. Языкъ его—чисто русскій, правильный, ясный языкъ. Послѣ него остались семейныя записки о его жизни, воспитаніи, службѣ и т. д. Незнаю, все ли уцѣлѣло изъ замѣтокъ и любопытныхъ бумагъ Павла Алексѣевича.

Какъ недавно еще, наканунѣ предсмертной болѣзни, видѣли его въ англійскомъ клубѣ! Привѣтливый и добровнимательный ко всѣмъ и каждому, онъ сѣлъ за обѣдъ, гдѣ случилось съ В. А. Казадаевымъ, съ которымъ былъ издавна въ дружескихъ отношеніяхъ. Многіе, вѣроятно, и не знали, что тутъ сидитъ власть. Избѣгая поклоновъ подчиненности, онъ старался и войти и выйти незамѣтно.

Какъ недавно, за день до болѣзни, мы толковали съ нимъ о томъ и о семъ до 8-го часа послѣ обѣда! Не предчувствовалось мнѣ тогда, что я въ послѣдній разъ сидѣлъ за столомъ между имъ и бѣдной Елисаветой Ивановной, что въ послѣдній разъ бесѣдовали мы втроемъ въ его кабинетѣ; что въ послѣдній разъ, прощаясь со мной, онъ повторилъ мнѣ свое искреннее, дружелюбное „когда же увидимся?“

— Утомительны для васъ четверги! молвилъ я имъ къ чему-то при этой послѣдней бесѣдѣ нашей.

„Нисколько! отвѣтила Елисавета Ивановна—мнѣ самой весело, когда я вижу, что наши гости не скучаютъ.“

— Однакожъ, пережидать гостей до 3—4 часовъ за полночь...

„Хоть бы до 5—молвилъ Павелъ Алексѣевичъ.

Тутъ мы стали считать, сколько еще остается четвергов до 19 февраля, когда радушные хозяева Москвы хотѣли угостить ее баломъ... И вотъ послѣдній четвергъ сталъ первымъ днемъ печали, днемъ предсмертной болѣзни незабвеннаго, добраго Павла Алексѣевича.

Не станемъ судить врачей: Господь умудряетъ врача. Господь уничижаетъ науку. Дни наши сочтены. Не станемъ испытывать судьбы Божіи. Подивимся несозвучности явленій въ свѣтской жизни: нерѣдко скорбь и печаль встрѣчаются на одномъ дворѣ, въ одномъ иногда домѣ! свадьба, или крестины въ одномъ жильѣ, погребальное пѣніе въ другомъ!.. Такъ и здѣсь: грустная вѣсть о кончинѣ страдальца не скоро разнеслась. Въ его домѣ плачь и рыданіе; въ другомъ, не въ дальнемъ разстояніи, музыка и роскошь угощенія. И моя жена отправилась туда съ племянницей на балъ, но, какъ бы по предчувствію, не въ веселомъ расположеніи, нéхотя, изъ приличія по отношеніямъ къ хозяйкѣ. Черезъ 20—25 минутъ онѣ возвратились. Войдя въ однѣ двери, онѣ вышли въ другія, узнавъ о поразительной новости. Карета ихъ была гдѣ-то далеко; онѣ взяли чужую. Такое скорое возвращеніе ихъ должно было бы удивить меня. И однакожъ я не догадался о причинѣ удаленія ихъ съ бала. Я узналъ о ней ночью. Снится мнѣ, что я прихожу къ Елисаветѣ Ивановнѣ. Она стремительно подошла ко мнѣ, съ воплемъ повела меня мимо накрытыхъ приборами столовъ; у каждаго прибора по два шампанскихъ бокала, одинъ обыкновенный, другой высокій, какъ церковныя предъ мѣстными образами свѣчи, и темный, какъ бы обвитый черной дымкой. Входимъ въ спальню. Страдалецъ сидитъ на постелѣ въ военномъ пальто. Мы подали другъ другу руку—и оба зарыдали.

Вотъ я остался одинъ и думаю: онъ умеръ... Проснувшись, я сталъ припоминать тревожный сонъ... Глаза мои невольно устремились въ уголъ, гдѣ теплилась въ кіотѣ лампада предъ образами... Въ душѣ моей, безсознательно, сказалась молитва: Господи! съ миромъ пріими душу раба Твоего Павла!

Поутру, выйдя изъ спальни, я говорю домашнимъ: Тучковъ умеръ. Нѣтъ—отвѣчаютъ мнѣ—не слыхали, не знаемъ. Умеръ! повторяю имъ и вхожу въ кабинетъ. Мнѣ сказываютъ, что отъ Павлова (издателя Русскихъ Вѣдомостей) пріѣхалъ кто-то. „Проси.“ Входитъ молодой сотрудникъ его г. Скворцовъ.

„ Я къ вамъ отъ Николая Филиповича. “

— Что ему понадобилось?

„ Нѣсколько словъ, только поскорѣе. “

— О чемъ?

„ О генералъ-губернаторѣ.“

— Такъ онъ точно умеръ?

„ Вчера въ 7 часовъ вечера. “

Бѣдная Елисавета Ивановна!... подумалъ я.

„ Сообщите же намъ о немъ, что знаете.“

— Извините. Я ничего написать теперь не въ состояніи. Дайте мнѣ образумиться.

Я спѣшу къ панихидѣ. Площадь передъ домомъ и сосѣдшія кругомъ улицы запружены народомъ и экипажами. Комнаты переполнены искренно-печальными лицами. Тѣснота—отъ крыльца до гроба. И чувствовалось въ этой тѣснотѣ молитвенное настроеніе всѣхъ и каждаго. Крѣпкая смиреніемъ, вдова, окруженная дѣтьми, тихо внимала въ уголкѣ надгробному пѣнію и молитвамъ; погруженная въ безмолвную покорность Провидѣнію, она признательно приняла нѣсколько словъ утѣ-

шенія отъ Преосвященнаго Леонида. Отрадно запали въ осиротѣлую душу и слова нашего Архипастыря, которыя передала ей на слѣдующій день игуменія Новодѣвичьяго монастыря Вѣра (въ мірѣ Варвара Михайловна Головина, по рожденію Львова): „Мнѣ жаль его... и за нее... и за Москву... и за себя!“

Митрополитъ любилъ Павла Алексѣевича. Кончина его смутила Святителя. Онъ молился за усопшаго крѣпкой молитвой упованія на благодать Божію—и, при совершеніи заупокойной литургіи, не смущаясь болѣе мыслями о томъ, что ждетъ отшедшаго за гробомъ, молился нетревожно. „Душа во мнѣ—сказалъ онъ на другой день кому-то — спокойно молилась.“ О! сильна молитва вѣры и любви! надежда не покидаетъ ее!.. Сильна и дѣятельна молитва церкви объ усопшихъ. А здѣсь у насъ, по мысли любвеобильнаго Пастыря, установилось сорокодневное поминовеніе о рабѣ Божіемъ Павлѣ во всѣхъ московскихъ храмахъ и въ Троице-Сергіевой Лаврѣ. Четыре дня бальзамированное тѣло покрывало благоуханное облако освященнаго кадила. Четыре дня съ утра до ночи, непрерывно почти возносился ѳиміамъ молитвы къ нсбесамъ о упокоеніи усопшаго со святыми, о вѣчной памяти ему. Оба московскіе викаріи поочередно совершали соборно панихиды утреннія, а архимандриты — вечернія. Въ эти дни вся Москва перебывала у гроба. Въ шестой день отъ кончины епископъ Можайскій, Викарій Савва сдалъ его могилѣ. Онъ предшествовалъ и печальной колесницѣ до Чудова монастыря. Митрополитъ, съ Викаріемъ Леонидомъ, епископомъ Дмитровскимъ, совершилъ послѣднее служеніе о душѣ въ виду ея земной одежды. Одинъ изъ извѣстныхъ моск. проповѣдниковъ А. К. сказалъ надгробное слово — въ урокъ властителямъ и подвластнымъ.

Унылое шествіе изъ храма сопровождалъ преосвященный Леонидъ до конца Арбата; а оттуда до обители преосвященный Савва. Образъ Спасителя, которымъ Владыка благословилъ покойнаго при вступленіи его на новое поприще (8 сентября 1859 г.) несли впереди шествія. Между тѣмъ, когда оно достигло Дѣвичьяго поля, громада благочестиваго народа пріостановила колесницу, выпрягла лошадей и повлекла ее на себѣ. Все это сдѣлалось стройно, безъ шума, безмолвно, съ христіанскимъ благоговѣніемъ къ непробудному сну почившаго.

Толпа, ожидавшая въ полѣ, главнѣйше состояла изъ временнообязанныхъ крестьянъ, которые, живучи въ Москвѣ по найму по фабрикамъ, по торговлѣ и промысламъ, часто видали и любили покойнаго за его доступность. Къ нимъ присоединились и прочіе изъ московскихъ простолюдиновъ. И тѣ и другіе желали нести гробъ отъ дома. Невозможно было имъ это дозволить: они стѣснили бы и войско и орудія, и растроили бы весь порядокъ многолюднаго шествія лицъ, назначенныхъ отъ разныхъ служебныхъ, учебныхъ, благотворительныхъ учрежденій и городскихъ сословій.

Въ три часа по полудни громъ орудій возвѣстилъ Москвѣ, что погребеніе совершилось.

Могилу Павла Алексѣевича, въ сосѣдствѣ съ могилой его отца, по дорожкѣ, противъ келлій, признательная ему Москва не замедлитъ покрыть великолѣпнымъ памятникомъ. Два слова: „Москва Тучкову“ больше скажутъ о немъ и о ней потомству, нежели всѣ наши печатные листки. Гранитная лѣтопись прочнѣе мимолетныхъ словъ.

Елисавета Ивановна, уступивъ Москвѣ грустныя заботы о похоронахъ мужа ея, тѣ деньги, которыя могла

бы употребить на это, предназначила на богоугодное употребленіе.

Павелъ Алексѣевичъ не заискивалъ похвалъ у толпы, не добивался всевосхваленій (популярности), но пріобрѣлъ любовь доступностію и справедливостію.

Москва, взявъ на себя, по чуству признательности къ его заботамъ о ней, отданіе послѣдняго ему долга, сохранила близкіе сердцу своему останки въ нѣдрахъ своихъ.—Такъ еще и недавно, прошлымъ лѣтомъ, движимые благодарностію, Москвичи простолюдины принесли покойному икону, на который изображены апостолы Петръ и Павелъ, а также и Елисавета праведная,—въ благословеніе и руское „спасибо“ за дешевизну дровъ, достигнутую его распоряженіями, подобно тому, какъ прежде бѣдный народъ былъ обрадованъ удешевленіемъ хлѣба. И все это дѣлалось тихо, безъ огласки, безъ похвальбы. И вотъ теперь *тайное* стало *явнымъ*.

Время обнаружитъ и другія черты доброй души. „Это была *жемчужна* неподдѣльная посреди служителей Государства,“—слова, сказанныя при мнѣ, послѣ панихиды, однимъ маститымъ и славнымъ героемъ.

Теперь не время еще иное оглашать. Приведу хоть нѣкоторыя черты его прямодушія, стойкости, самоотверженія. Не буду говорить о его запискѣ касательно преобразованій по военному вѣдомству;-о замѣчаніяхъ относительно военно-учебныхъ заведеній, упадка нравственно-религіозныхъ убѣжденій въ молодомъ поколѣніи, потрясенія подчиненности. Скажу, о чемъ можно сказать.

Въ Новгородѣ, когда Павелъ Алексѣевичь былъ начальникомъ штаба отдѣльнаго гренадерскаго корпуса, жилъ, подъ надзоромъ полиціи, одинъ изъ политическихъ преступниковъ. Это былъ полякъ. Забытый *своими*, онъ

до того нуждался въ средствахъ къ жизни, что, приходя въ гостинницу, гдѣ сбирались въ обѣденное время несемейные чиновники, офицеры, пріѣзжіе и проч., онъ никогда не садился за столъ, а украдкой пробирался къ буфету и тамъ съѣдалъ по нѣскольку кусковъ хлѣба съ холоднымъ мясомъ, сыромъ и т. д., запивая свой тощій обѣдъ водою. Два молодыхъ офицера Чириковъ и Игнатьевъ замѣтили бѣдняка. Имъ стало жаль его. Они вызвали его на знакомство, сперва поклонами при ежедневныхъ встрѣчахъ, потомъ парою словъ, наконецъ приглашеніемъ къ себѣ на чашку чаю. Исподоволь они дошли до того, что знакомецъ ихъ, не стыдясь уже своей нищеты, принялъ ихъ приглашеніе обѣдать съ ними. Нѣсколько времени сострадательные молодые люди кормили его, помогали ему на сколько были въ силахъ, единственно по чувству христіанскому. Не такъ глядѣли на это другіе... Ихъ заподозрили въ единомысліи съ польскими вольнодумцами, въ тайныхъ съ ними сношеніяхъ и т. п. Чириковъ и Игнатьевъ попали подъ судъ. По приговору они должны быть разжалованы въ рядовые. Покойный Императоръ не имѣлъ въ виду вполнѣ ихъ оправдывающихъ обстоятельствъ.

Павелъ Алексѣевичь спѣшитъ въ Петербургъ, объясняется съ военнымъ министромъ, умоляетъ всѣхъ и каждаго о спасеніи отъ бѣды невинно-погибающихъ. Никто не рѣшался доложить о нихъ Его Величеству. Время было лагерное. Павелъ Алексѣевичь отправляется въ Красное село. Не имѣя права вступиться прямо за несчасныхъ, онъ старается попасть на глаза Государю такъ, чтобы Государь самъ спросилъ его: чего онъ хочетъ? Съ этой цѣлью смѣлый начальникъ штаба пустился ходить мимо императорской палатки. Послѣ нѣ-

сколькихъ поворотовъ онъ видитъ передъ собой Государя.

„Что ты тутъ все ходишь? что тебѣ отъ меня нужно? спросилъ Государь.

— Нужно доложить Вашему Величеству...

„ Войди! “

Вошли въ палатку.

„ Ну говори! “

— Офицеры Чириковъ и Игнатьевъ...

Государь нахмурился.

— Смѣю доложить...

„ А тебѣ какое тутъ дѣло? Осуждены, такъ, стало, виноваты. “

— Въ томъ-то и дѣло, что не виноваты.

„ Какъ! не виноваты, когда я... Ну, добро! объясняй—посмотримъ. “

Павелъ Алексѣевичъ объяснилъ всѣ обстоятельства, весь ходъ и развязку дѣла. Государь, подумавъ, сказалъ уже не строго:

„ Какъ же ты осмѣлился вступиться за офицеровъ, которыхъ я призналъ виноватыми... а? “

— Вы справедливы и милостивы.

„ Чтожъ дальше? “

— Правда выше всего.

„ Ну, иди!

Защитникъ вышелъ. Офицеры прощены... Вѣчная память и Царю правдолюбивому, и подданному повѣдавшему ему правду!..

Былъ еще случай зрѣло обдуманнаго имъ неисполненія полученнаго отъ начальства приказанія—и когда? въ военное время, такое время, когда легко можно быть разстрѣляну за малѣйшее неповиновеніе.—Я разскажу

кратко; оставлю подробности военныя въ сторонѣ. О нихъ говорятъ военныя лѣтописи въ 1830 и 1831 годахъ. При движеніяхъ и передвиженіяхъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, дѣйствовавшаго противъ польскихъ мятежниковъ, оберъ-квартирмейстеръ, П. А. Тучковъ, тогда еще полковникъ, повелъ войско отъ мѣстечка Снядовъ къ селенію Желтки. На пути онъ получаетъ приказаніе пріостановить движеніе и дать войску отдыхъ. Онъ отвѣчаетъ, что нѣтъ удобной мѣстности для „привала.“ Настигаетъ его второй приказъ уже съ угрозой, что онъ будетъ арестованъ. Шпагу мою лично доставлю—сказалъ полковникъ.—Но покуда, да ужъ и и недалеко, войско доведу до выгодной позиціи, для отраженія идущаго къ намъ непріятеля съ двойными—сравнительно съ нашимъ отрядомъ—силами.

Успѣхъ оправдалъ соображенія оберъ-квартирмейстера. Едва гвардія заняла с. Желтки, какъ показались полки мятежниковъ. Мгновенно завязался упорный бой. Наши отразили нападеніе и черезъ это получили возможность перейти, два дня спустя, изъ оборонительнаго въ наступательное дѣйствіе, соединиться съ войсками графа Дибича-Забалканскаго и одержать блистательную побѣду при Остроленкѣ.

Позже, будучи въ должности начальника штаба средней арміи, Павелъ Алексѣевичъ, по довѣрію къ нему командовавшаго ею генерала Панютина, личными усиліями сберегъ огромныя суммы по продовольствію войскъ. Въ послѣдствіи обнаружено, что цѣны на поставку провіанта для средней арміи были несравненно ниже тѣхъ цѣнъ, по которымъ покупали его „въ томъ же раіонѣ“ (окрестности) для другихъ войскъ. Предсѣдательствуя въ коммиссіи о разсмотрѣніи дѣйствій по провіантской,

госпитальной и инымъ частямъ во время борьбы нашей съ соединенными силами и флотомъ столькихъ союзниковъ и безпримѣрной въ военныхъ лѣтописяхъ обороны Севастополя, Павелъ Алексѣевичъ неумолимо строго разбиралъ и судилъ всѣ намѣренные и ненамѣренные поступки разныхъ лицъ.

Жаль, что при такой твердости характера, при распорядительности и опытности служебной, при такой нравственной силѣ души, скромное мнѣніе о своихъ способностяхъ не дозволило ему посвятить себя дѣлу умиренія обезумѣвшихъ Поляковъ. Еще до отправленія въ Варшаву графовъ Ламберта и Лидерса, Вельепольскаго и Фелинскаго и другихъ, Государь Императоръ предлагалъ ему намѣстничество въ царствѣ польскомъ. Онъ рѣшительно отказался отъ всѣхъ почестей и выгодъ, не сознавая въ себѣ тѣхъ свойствъ безкорыстнаго мужества, при которыхъ, по выраженію проповѣдника, говорившаго надгробное слово, онъ „носилъ власть на себѣ, а не въ себѣ.“ И дѣйствительно: власть, которою онъ былъ облеченъ, была для него бременемъ, а не силой. Правда онъ тоже уклонялся и отъ назначенія своего въ Москву. Онъ искренно умолялъ оставить его на военномъ поприщѣ. Монаршая воля побѣдила скромность своего избранника.

— Досадно мнѣ на васъ! сказалъ я ему какъ-то, прогуливаясь съ нимъ по саду. Легко сказать: намѣстникъ въ царствѣ польскомъ... главнокомандующій войсками...

„Не годился я на это дѣло.“

— Всежъ можно было бы испытать свои силы: пособилъ Богъ—хорошо; не ладится—удалиться, хоть бы по болѣзни.

„Не гожусь, повторяю вамъ.“

— И я повторю: черезъ годъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, если бы точно бремя пришлось не подъ силу, вы могли бы удалиться изъ Варшавы, да все-же знатнымъ вельможей!

„И жилъ бы въ отставкѣ, безполезно, празднымъ человѣкомъ.“

„Я былъ царемъ,“ сказали бы вы, какъ Эдипъ въ трагедіи Озерова.

„Все это пустяки, тщеславіе, не въ моихъ правилахъ.“

— Пусть такъ. Я самъ не высоко ставлю случайную знатность, чины, звѣзды. Да вы, при небольшомъ состояніи, получили бы такое содержаніе, что могли бы приготовить дѣтямъ своимъ хоть нескудное наслѣдство.

„Всѣ они на ногахъ. Дочь замужемъ. Сыновья служатъ. Пусть потрудятся, какъ я потрудился. Не умрутъ съ голода.“

Такимъ образомъ онъ остался въ Москвѣ. Крамольный духъ усиливался въ Варшавѣ. Подкупленные глашатаи прорицали распаденіе Россіи. Низкіе въ замыслахъ и подлые въ трусости сочинители и распространители подземной лжи, нелѣпостей, хулы и презрѣнные бѣглецы, клеветники отечества за границей, исчисляя мятежныя силы, вооружали въ своихъ адскихъ мечтахъ сельскій народъ топорами, призывали къ ружью городскихъ обывателей, помѣщиковъ, недоученную молодежь дворянскаго и духовнаго сословія, раскольниковъ и старообрядцевъ. Послѣднихъ они признавали передовымъ войскомъ противъ правительства. Обстоятельства показали противное. Старообрядцы не отстали отъ народа, дворянства и духовенства въ изъявленіи готовности

своей жертвовать достояньемъ и жизнью на спасеніе Царя и Россіи отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, явныхъ и тайныхъ. Московскіе старообрядцы избрали изъ среды своей почетнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ представителей своего общества для изъясненія ихъ вѣрноподданической преданности Царю, Царицѣ, наслѣднику, царственному дому. Родился вопросъ: можно ли дозволить имъ такое гласное заявленіе своей самостоятельности? Мнѣнія выразились противоположныя, даромъ что истекали изъ одного источника, изъ любви къ отечеству. Одни, смѣшивая старообрядческое согласіе съ потаенными молельнями, часовнями и скрывающимися въ лѣсахъ скитами отщепенцовъ разныхъ толковъ, находили допущеніе представителей старообрядцевъ Рогожскаго и Преображенскаго кладбищъ до Государя признаніемъ расколовъ. Другіе, не смѣшивая этихъ старообрядцевъ съ послѣдователями иныхъ раскольничьихъ толковъ, признавали ихъ за отдѣлившихся отъ православной церкви, не столько по духу, сколько по внѣшности обрядовъ. Павелъ Алексѣевичъ, не ожидая окончанія преній, дозволилъ выборнымъ лицамъ отправиться въ Петербургъ съ хлѣбомъ-солью; въ слѣдъ за ними самъ прибылъ туда, удостоился представить ихъ Императору и не подвергся гнѣву за такое рѣшеніе возникшаго вопроса: впустить или невпустить ихъ во дворецъ? Старообрядцы, обласканные и осчастливленные милостивымъ пріемомъ Царя-батюшки, возвратились въ Москву съ новою любовью къ Нему, преданностію. Время вполнѣ сольетъ ихъ съ „единовѣрцами,“ образумитъ другихъ и, съ Божіей помощію, расколовъ не будетъ на Руси.

Первою заботою его въ Москвѣ было развить чувство

самостоятельности во всѣхъ мѣстахъ и лицахъ, больше или меньше ему подвѣдомственныхъ. Онъ желалъ, чтобъ всѣ они полноправно распоряжались въ кругу своихъ обязанностей, не выходя, разумѣется, за черту закона и отнюдь не вмѣшиваясь въ дѣла, имъ не подлежащія. Особенно не любилъ онъ покровительства или ходатайства со стороны. Не любилъ до того, что никто изъ близкихъ къ нему, изъ семьи, родныхъ, друзей, никогда не рѣшался, хоть бы мимоходомъ, замолвить словечко ему о чемъ и о комъ либо ни по какому дѣлу. Ни на что онъ такъ не досадовалъ, какъ если кто обратится съ представленіемъ къ нему по такимъ случаямъ, гдѣ не нужно разрѣшеніе или утвержденіе генералъ-губернатора. До какой степени онъ уважалъ права и постановленія всякаго учрежденія, приведу въ примѣръ одинъ изъ множества примѣровъ его вольной — такъ сказать — подчиненности установившимся правиламъ и обычаямъ. Вздумалось ему послушать чтенія въ обществѣ любителей русской словесности. Полиція и казаки не разчищали предъ нимъ дорогу. Неодолимые обозы и снующіе по улицамъ во всѣхъ направленіяхъ городскіе извощики задержали его коляску. Онъ входитъ на лѣстницу. Ему докладываютъ, что чтеніе началось. Не желая безпокоить присутствующихъ, генералъ-губернаторъ взялъ подъ руку Елисавету Ивановну и вернулся домой.

Вторая задушевная забота его была о томъ, чтобы при всякомъ случаѣ свидѣтельствовать и на опытѣ показывать предъ лицемъ Государя, что первопрестольная чисто русская, православная, вѣрноподданная Москва, достойна того добраго мнѣнія, какое всегда имѣли о ней Русскіе Цари. Въ 1860 г. Государь Императоръ посѣтилъ Москву въ такую пору, когда почти все дворянство и

купечество отсутствуетъ, кто въ деревнѣ, кто на Нижегородской ярманкѣ и т. д. Павелъ Алексѣевичъ успѣлъ однако заранѣе многихъ предупредить объ ожидаемомъ гостѣ. Москвичи отвсюду спѣшили къ балу въ домѣ „россійскаго благороднаго собранія", и домъ былъ полонъ вѣрноподданныхъ, съ любовію окружившихъ Царя. Государь благодарилъ градоначальника за добрый порядокъ по всѣмъ вѣтвямъ ввѣреннаго ему управленія. „Добрый духъ мирной и вѣрной Москвы—доложилъ онъ—охраняетъ въ ней порядокъ. Не мнѣ, а ей принадлежитъ похвала за все, что удостоилось милостиваго вниманія Вашего Величества." Въ 1862 г. Государь изволилъ помѣститься въ Петровскомъ дворцѣ. По окончаніи лагерныхъ ученій московское купечество угостило войска обѣдомъ на Ходынскомъ полѣ. Вечеромъ былъ фейерверкъ. Въ палатку, гдѣ было приготовлено угощеніе дорогому Гостю, были приглашены многія лица изъ московскаго общества. И во время обѣда, и во время потѣшныхъ огней громады всѣхъ сословій покрывали все пространство кругомъ столовъ и царской палатки. Государь замѣтилъ, что въ такихъ необозримыхъ толпахъ народа не было ни шума, ни толкотни. „Да тутъ полиція была бы безсильна", молвилъ Павелъ Алексѣевичъ, уступая опять похвалу народу. Императоръ однако въ знакъ своего къ нему благоволенія изволилъ пожаловать къ нему на обѣдъ въ загородномъ его домѣ (въ паркѣ). Бѣлая мраморная ваза, отъ ранней весны до снѣга благоухающая цвѣтами, на четырестороннемъ гранитномъ возвышеніи, въ саду противъ дома указываетъ на счастливый день для хозяевъ. На одной сторонѣ памятника высѣчены годъ, мѣсяцъ и число посѣщенія (23 августа 1862). Дай-то Богъ сохраниться въ родѣ Тучковыхъ этому памятнику, этому саду и дому.

Сердечная радость о всякомъ знакѣ благоволенія царева не ослабляла однако гражданскаго въ немъ мужества. Не боялся онъ вражды сильныхъ. Не смущался онъ даже и горькой истиной, что зависть и ненависть преслѣдуютъ иногда жертвы своей неутомимой злобы и за гробомъ. Такъ охладилъ онъ своей рыцарской правдивостью добрыя къ нему отношенія нѣсколькихъ, впрочемъ почтенныхъ и благородныхъ особъ. И благородные и благочестивые даже люди, по шаткости природы человѣческой, впадаютъ въ заблужденія, увлекаются страстью, родственными связями и т. п. Пріѣхала изъ заграницы вдова съ двумя сиротками. Богатая по мужѣ, но бѣдная по связямъ, узнаетъ она здѣсь, что наслѣдственное имущество ея дочерей нѣсколько разстроено несмышленостью или безпечностью довѣренныхъ отъ опеки управителей, распорядителей, ходатаевъ и проч. Личныя и письменныя объясненія вдовы съ близкими ея мужу родственниками оскорбили ихъ аристократическую увѣренность въ непогрѣшимости дѣйствій выбраннаго изъ среды ихъ уполномоченнаго. Прошенія и жалобы ея въ дворянскую опеку, и на опеку учрежденную не въ московской, а въ той, разумѣется, губерніи, въ которой находится главное имущество сиротъ, питали только канцелярскую дѣятельность законныхъ покровителей сирыхъ и вдовыхъ. Родственники покойнаго мужа ея обижались сомнѣніями вдовы. Одна только особа изо всего родства поняла женскимъ сердцемъ ея правоту. Нравственная поддержка этой безпристрастной особы нѣсколько помогла безпомощной. Споръ пошелъ на мировую. Посредничество предоставлено московскому военному генералъ-губернатору. И онъ защитилъ вдову. Опека переведена въ Москву; неправильныя или оши-

бочныя распоряженія на мѣстѣ уничтожены; права наслѣдницъ обезпечены; достояніе ихъ сбережено.

Чувство благодарности не такъ обыкновенно, какъ чувство злопамятованія. Съ умиленіемъ говорю, что я видѣлъ слезы вдовы у гроба Павла Алексѣевича. Да, только истинно благородныя сердца помнятъ добро и не стыдятся выражать свою признательность за добро искренно, гласно, при всякомъ случаѣ. Видѣлъ я и другую вдову у гроба. Она также приносила къ нему свою благодарность въ печальную пору молитвъ объ усопшемъ. Я былъ свидѣтелемъ ея отчаянія, когда она, разоренная тяжбой съ хитрымъ соперникомъ, принесла всѣ свои бумаги вечеромъ къ Павлу Алексѣевичу, отдыхавшему тогда отъ занятій въ саду. Долго, внимательно, терпѣливо слушалъ онъ женское изложеніе перепутанныхъ нитей тяжбы...

Никогда не узнаютъ люди, сколько изъ прибѣгавшихъ подъ его покровительство было поддержано его судомъ, совѣтомъ, кошелькомъ. Всѣ мы видѣли какую-то женщину, съ воплемъ цѣловавшую скрещенныя руки покойника, съ рыданьемъ причитавшую его дѣла христіанской любви, заявлявшую свою скорбь о немъ. И какъ не плакать о немъ бѣднымъ, которымъ онъ помогалъ, дѣтямъ, которыхъ содержалъ въ учебныхъ заведеніяхъ, подсудимымъ, наказаніе которыхъ облегчалъ по возможности! И какъ помогалъ онъ бѣднымъ? Самъ получившій помощь узнавалъ это только по возвращеніи своемъ домой. Проситъ, напримѣръ, обремененная семействомъ женщина единовременнаго пособія, по продолжительной болѣзни своего мужа. Служба бѣднаго чиновника не даетъ ему права ни на какую награду. Павелъ Алексѣевичъ тайкомъ кладетъ 150 рублей

въ поданное ему прошеніе и возвращаетъ его просительницѣ, съ сожалѣніемъ, что не можетъ удовлетворить просьбы. Чиновница удаляется, конечно, не съ чувствомъ благодарности, которой онъ всегда избѣгалъ. Она бросаетъ на столъ бумагу, объясняя мужу неудачу. Изъ бумаги выпали деньги... Является отставной штабъ-офицеръ, проситъ о прибавкѣ къ получаемой пенсіи. Невозможно. Павелъ Алексѣевичъ уходитъ въ кабинетъ, влагаетъ 100 р. въ его бумаги и молча возвращаетъ ихъ просителю. Онъ уходитъ. Онъ уходитъ разумѣется недовольный, даже немножко сердитый, и вотъ дома открываетъ кредитный билетъ. Такіе случаи были не рѣдки. Нечего ужъ и говорить о небольшихъ пособіяхъ, въ 10—15 руб., которыя были выдаваемы по просительнымъ письмамъ бѣднымъ.

Заботы градоначальника о преобразованіи, объ улучшеніяхъ, о сокращеніи всевозможныхъ расходовъ по благотворительнымъ учрежденіямъ; перестройка полицейской-Газовой больницы, такъ названной въ память о врачѣ христіанинѣ О. П. Газѣ; наблюденіе за содержаніемъ попадающихъ въ такъ называемыя сибиркн и помѣщеніями при частныхъ домахъ; отдѣленіе мужчинъ отъ женщинъ, при задержаніи тѣхъ и другихъ; попеченіе о заключенныхъ въ тюремныхъ замкахъ или острогахъ, о пересылочныхъ арестантахъ, о переселяемыхъ изъ Польши и юго-западнаго края шляхетскихъ семействахъ и самыхъ государственныхъ преступникахъ, при нуждѣ ихъ въ пособіи; уничтоженіе дикаго названія ямы — (тюрьмы для заточаемыхъ должниковъ) и сооруженіе вмѣсто *ямы*, сырой, темной, тѣсной—приличнаго, просторнаго, сухаго, свѣтлаго помѣщенія; все это — дѣла сердца, дѣла, не всегда видныя для людей, но видныя Богу!

Впрочемъ, при всемъ желаніи его облегчить кару закона, когда представлялись обстоятельства, смягчающія вину и даже преступленія, къ явнымъ, закоснѣлымъ злодѣямъ, убійцамъ, зажигателямъ онъ былъ неумолимо строгъ.

Особенно грустенъ бывалъ онъ, когда доводилось ему заявлять свою власть. Такъ, скрѣпя сердце, онъ рѣшился однажды сказать тремъ-четыремъ лицамъ, которыя, изъ простаго впрочемъ любопытства, ходили въ польскій костелъ, когда въ немъ ксендзы предательски молились о мнимыхъ жертвахъ жестокости Русскихъ въ Варшавѣ: „Господа! вы все смотрите на Западъ. Остерегитесь: не повернуться бы на Востокъ.“

Пріѣхалъ въ Москву одинъ литераторъ отъ петербургской пишущей братьи къ московской съ какимъ-то порученіемъ. Правда, въ числѣ посылавшихъ его лицъ многихъ не было (К. Вяземскаго, Муравьева, Норова, Тютчева и другихъ). Не добиваясь, по скромности, отъ нечаяннаго гостя, о чемъ будетъ рѣчь? и полагая, что рѣчь пойдетъ о цензурномъ уставѣ (а тогда много было толковъ о преобразованіи цензуры), одинъ изъ московскихъ литераторовъ постарался соединить у себя членовъ о. любителей россійской словесности, ученыхъ мужей университета, всѣхъ издателей повременныхъ листковъ, газетъ, журналовъ, и писателей всѣхъ цвѣтовъ, тѣней и оттѣнковъ. Была тутъ и писательница; она познакомила меня съ виновникомъ нашего чрезвычайнаго съѣзда. Не многіе изъ насъ знали, зачѣмъ собранъ этотъ ареопагъ. Уполномоченный провозгласилъ предложеніе своихъ довѣрителей: заступиться предъ правительствомъ за подсудимаго Михайлова. Нѣсколько секундъ никто ни слова. Всѣ какъ бы онѣмѣли.

Но вотъ раздался голосъ И. С. Аксакова. Его разумная, безъ уклончивости и оговорокъ, рѣчь прослушана съ полнымъ вниманіемъ. Заговорили другіе. Всѣ въ томъ же смыслѣ, что литераторы не составляютъ отдѣльнаго сословія и, стало быть, не имѣютъ ни права, ни повода отряжать защитниковъ и представителей изъ среды своей къ слѣдственнымъ и уголовнымъ дѣламъ о поступкахъ какого бы то ни было стихотворца или прозаика. Прежія — и то въ полголоса и по угламъ — скоро прекратились. Предложеніе петербургцевъ дружно отринуто. На другой день, гуляючи, зашелъ я мимоходомъ поутру къ Елисаветѣ Ивановнѣ. Она повела меня въ кабинетъ Павла Алексѣевича. Гляжу—онъ что-то пасмуренъ и озабоченъ.

— Что съ вами?

„ Въ непріятное положеніе поставили меня... вотъ пишу телеграмму въ Крымъ... страхъ какъ досадно!..“

— Вы, конечно, не скажете мнѣ, о чемъ телеграфъ заговоритъ. А я покуда надѣюсь васъ развеселить доброю вѣстью.

„ Чтожъ такое?“

— Вчера было сборище всей премудрости московской...

„ Какъ! и вы тамъ были? что за неволя!...

— И очень доволенъ, что былъ тамъ.

„ У меня три списка лицъ бывшихъ въ этомъ собраніи. Вашего имени въ нихъ нѣтъ. Я долженъ внести.“

— Внесите.

„ Какъ вамъ отстать отъ другихъ! охъ, ваши мнѣ литераторы! “

— Не жалуйтесь, а прежде послушайте.

Тутъ я разсказалъ, какъ было дѣло, какъ первый за-

говорилъ Аксаковъ, какъ безъ спора и шума разошлись гости по домамъ,—лице градоначальника прояснилось.

„ Если такъ, то мое донесеніе будетъ окончательное. Нечего теперь объясняться мнѣ съ вами, господами литераторами. Дѣло обойдется, безъ слѣдствія, безъ тревоги. “

— Вы смѣло можете порадовать Государя здравымъ смысломъ и разумнымъ направленіемъ московскихъ профессоровъ, писателей и журналистовъ.

„ Не пострадать бы только петербургскому посланцу?“

— Посла ни казнятъ, ни вѣшаютъ.

„ Впрочемъ, что мнѣ о немъ распространяться? Онъ не нашъ. Пусть въ Петербургѣ обсудятъ поступокъ тамошнихъ литераторовъ. “

Также мирно повершилъ Павелъ Алексѣевичъ и проказы студентовъ. Были изъ числа ихъ жертвы суда и закона. Но университетъ не былъ подъ опалой. Ни одинъ факультетъ не былъ закрытъ. Если же преподаваніе въ двухъ младшихъ классахъ или курсахъ было пріостановлено, то это сдѣлано по распоряженію университетскаго начальства, безъ какого либо съ его стороны вліянія. Въ шумное утро появленія толпами студентовъ у крыльца генералъ-губернаторскаго дома военная сила не была употреблена. Ихъ взяли такъ сказать блокадой, и размѣстивъ по гауптвахтамъ и частнымъ домамъ, *кормили калачами.* Тѣ, которые удалялись съ Марсова поля, не были преслѣдуемы полиціей. Если ихъ задерживали дворники и простолюдины вообще, то ужъ конечно такое содѣйствіе народа не входило въ стратегическія соображенія военнаго начальства. Здѣсь не мѣсто говорить о подробностяхъ печальныхъ и смѣшныхъ происшествій, какъ на улицахъ, такъ и въ оградѣ универ-

ситета, о твердости попечителя, о счастливомъ возгласѣ профессора О. М. Бодянскаго, когда припертый къ стѣнѣ, онъ не могъ уже ретироваться, отступать отъ осаждающихъ: „господа! мы уже у Геркулесовыхъ столбовъ! дальше идти нельзя; пойду впередъ!..“ и пр. Современемъ оцѣнятъ благоразуміе и осторожность въ дѣйствіяхъ военнаго генералъ-губернатора отъ начала безпорядковъ и недоразумѣній въ университетѣ. Бережно (деликатно), отечески старался онъ умирить неопытную молодежъ. Всѣ средства имъ въ послѣдствіи истощены къ уменьшенію числа подсудимыхъ.

7-го апрѣля покойнику минуло бы 61 годъ. Спрашиваютъ обыкновенно объ умершихъ, особенно такъ неожиданно, такъ скоро,—какъ умеръ, въ какомъ настроеніи, готовъ ли былъ? и т. п. Спросите: какъ жилъ? Какъ въ кругѣ начало сходится съ концемъ, такъ и въ жизни: живешь честно и умрешь честно. Знаемъ ли мы, какъ духъ, покидая пелены тѣлесныя, молится внутренно и возносится къ небу? А конечно умирающій молится внутренно, подъ крыломъ Ангела-хранителя.

„Огнемъ страданія“—сказалъ намъ Пастырь-проповѣдникъ—„искушенная душа просіяетъ чистотою, а наконецъ и блаженствомъ.“

Несись же, душа, очищенная терзательной болѣзнію и безропотнымъ страданіемъ, несись къ обителямъ нищихъ духомъ, кроткихъ, алчущихъ и жаждущихъ правды, милостивыхъ и чистыхъ сердцемъ!...

*Николай Сушковъ.*

5 Февраля
1864.